

Лидия Штерн

*Как я свалила из Германии
обратно в Россию*

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 88

Штерн, Лидия

Ш 88 Как я свалила из Германии обратно в Россию/Лидия Штерн. – Москва: АСТ, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-17-080435-1

Еще не так давно многие из нас были очарованы заграницей, где молочные реки текут в кисельных берегах, где люди добры друг другу и все улыбаются, где царит достаток и магазинные полки ломятся от доступных по цене деликатесов. Так думала главная героиня этой книги – питерская журналистка Анна. В «лихие 90-е» она отправляется в благополучную Германию. Ей казалось, что исполнились самые заветные ее мечты, и блестящее будущее ей обеспечено... Но оказывается она в подпольном борделе...

Героине предстоит увидеть своими глазами все самые темные стороны «западной демократии»! Книга основана на реальных событиях.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-080435-1

© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Эта книга посвящается
всем женщинам России,
ближнего и дальнего зарубежья,
разделившим судьбу Анны.*

Дорогой читатель!

Перед вами книга о sandwich-generation поколении, чьи юность и становление личности пришлось на девяностые годы прошлого века. Волею судьбы это поколение оказалось между двух эпох — уходящей советской и новой, непонятной и во многом враждебной.

Особенно тяжело в то время пришлось женщинам. Многие, очень многие из них, не выдержав жизни на развалинах Союза, искали тогда счастья на золотом Западе. Все по-разному, но с одинаковой надеждой на лучшую, достойную жизнь. О подлинной цене их иллюзий эта книга.

Весь материал, вошедший в издание, документален, биографичен. Его составили подлинные встречи автора с женщинами, живущими как в России, так и за рубежом.

Глава 1

Как выжить?

Питер, сентябрь 1996 г.

Я сидела в гостиничном номере и бессмысленно смотрела в стену. Одно было очевидно: так дальше жить нельзя.

Разведясь с первым мужем в начале девяностых годов, я и не предполагала, что на меня навалится столько проблем. Проживание в тесной питерской коммуналке, где за тонкой стенкой можно было слышать все подробности жизни соседей, брань алкашей, а вечерами громко работающий телевизор — «all inclusive».

Но и это было еще не все. Я понятия не имела, что в государственных учреждениях начнут задерживать зарплату, а выдача алиментов на сына будет так умопомрачительно строго отслеживаться бывшим мужем — не дай бог лишнего заплатить! Во время задержки зарплаты задерживались и алименты на сына, назначенные судом. Как жить? Если занимать деньги, то при инфляции девяностых они уже через день обесценивались...

Но я не падала духом. На выручку мне приходили советская смекалка и умение экономить. Советский образ жизни, давший трещину в самом основании, разваливался по частям болезненно долго, и этот процесс невозможно было остановить. Но что-то хорошее все еще поддерживало фундамент прогнившей и разрушающейся системы.

Да и сын у меня был настоящий ангел: никаких сцен или просьб купить игрушку, никаких истерик. Саша спрашивал так, как спрашивают только любящие и заботливые близкие люди: «Мам, а у

тебя есть деньги купить мне ту машинку, которую мы сегодня видели в «Детском мире»? Конечно, приходилось выкручиваться с ответом: не «до следующей зарплаты» — таких понятий уже не было, — а «до реальной выдачи денег». Потому что советские и вновь образующиеся, уже российские, банки делали на нас и наших детях свои деньги.

Когда отец забирал Сашу к себе, в Архангельскую область, я пыталась успевать работать в нескольких местах — чтобы поправить свое экономическое положение.

В Комитете природы на улице Желябова, где я трудилась, уже месяц не выдавали зарплату, и все в кабинете сидели по нурые и совершенно деморализованные. В это же время в стране зарождался и рос со скоростью сорной травы на плодородной почве частный бизнес. Как-то раз я сказала себе: «Сколько еще ждать, пока кто-то придет и поможет? Надо действовать!» И... ушла в частную фирму, где из ничего создавали что-то. Видео. Фильмы.

Политические сюжеты. Разную чепуху, любые репортажи — лишь бы платили бабки. И их платили. Как это ни прискорбно, все это отражало в себе, как в зеркале, наполненность новой эпохи — девяностых годов двадцатого века. Путч 1991 года и баррикады перед горсоветом на Иссакиевской площади. Очереди в сберкассы за деньгами и в магазины за дешевыми продуктами. Первые частные ларьки на Сенной. Жалкий вид наших пенсионеров, всю жизнь проработавших на родную державу и оставшихся в это время перемен нищими.

К счастью, в провинцию, в глухие российские деревни, подобные перемены приходят не сразу, а спустя время. Но если они приходят, то уже окончательно и бесповоротно, и тогда трещит и разлетается на куски сам фундамент...

Помимо частной фирмы, я тогда работала еще в Доме радио — журналистом одной из программ, которую днем монтировали, а вечером вели в прямом эфире перманентно пьяные ведущие. Они постоян-

но приглашали меня в буфет, где сидели до последнего, пока не сваливались под стол. Но мне-то было не до буфетов. После многочисленных интервью, обзора культурной жизни города я монтировала с оператором свои материалы и мчалась по улицам Питера забирать сына из садика.

Мое тело не знало покоя, а душа жила в постоянном напряжении. Приходилось часто менять работу или трудиться сразу в нескольких местах, как это делали многие одинокие женщины, те, кто вынужден был самостоятельно кормить и обеспечивать своих детей. За шесть лет в Питере я успела поработать не только в частной фирме и на радио, но и в информационном агентстве «Интерфакс», в горсовете, в Законодательном собрании на Иссакиевской.

Для журналиста Законодательное собрание — это не только океан информации. Работа в центре этой пульсирующей артерии власти — это еще и огромная, ни с чем не сравнимая школа жизни. Особенно для молодой, привлекательной жен-

щины! Ты видишь власть в ее неприукрашенном виде и утрачиваешь иллюзии.

Тех, кто в нашей стране дорывался до власти, частенько охватывал синдром вседозволенности. В советское время злоупотребления были не просто нормой, а стилем жизни. На Западе власть имущие из-за каких-то проблем, отвечая требованиям своих избирателей и приняв вину на себя, часто уходят в отставку. У нас же страна богатая. На всё. И на холопство, и на откровенное барство.

В один из летних рабочих дней в здании областного совета ко мне подошел первый помощник губернатора Бердюкова. С особой вежливостью он сообщил, что губернатор хотел бы поговорить со мной и дать интервью. Я очень удивилась и обрадовалась! Как выяснилось позднее, уже не «товарищ» (старая коммунистическая школа), но еще и не «господин» (наклеивались новые титулы). Бердюков считывал совсем на другое...

Лишь когда меня пригласили в приемную губернатора и первый помощник

пропел мне с улыбочкой в ухо, что Владислав Григорьевич уже ждет, до меня начало доходить, в чем дело. После короткого разговора, мало похожего на интервью (зря тяжелый советский диктофон тащила!), губернатор пригласил меня на обед. Естественно, без первого помощника. Конечно, старая партийная школа и «моральная устойчивость» власть имущих формировали и стиль поведения, и определенные манеры. От этого никуда не деться. Харизматичный щедрый человек, милая беседа... Но когда время подошло к вечеру, из уст губернатора прозвучал вопрос, не требующий ответа: «Ну что, красавица моя, поехали?»

Ответить отказом, закричать, возмутиться — значит потерять работу. Я поняла, что попала в ловушку. Я находилась в полном распоряжении этого вальяжного, властного человека, для которого нормальным было иметь загородный коттедж для особых встреч с приставленной к нему государственной секретной охраной (!) и кучей прислуги. А те могли и

баньку натопить к его приезду, и свежее бельишко постелить, как в гостинице, — если вдруг ему захочется провести время с очередной любовницей. Все делалось по сигналу. По звонку. Он же губернатор! Разве ему можно отказать? Работу терять не хотел никто.

Но если во Франции восемнадцатого века мэтрессу или любовницу в благодарность одаривали домом или содержанием, то для партийных работников советского разлива было нормой брать лучшее, в том числе и красивых женщин, и использовать по своему усмотрению. А после — не благодарить. И не спрашивать: «Что я могу для тебя сделать?» Брать, пока они имеют власть, брать, сколько успеют и смогут унести.

И когда у меня на горизонте появился надоедливый депутат Олег Самсонов из областного совета, я даже не знала, как реагировать и что отвечать на его знаки внимания. Наученная опытом общения с властью имущими и вынужденная соблюдать осторожность, я теперь разделяла

работу и личное и не подпускала к себе всемогущих рыцарей. Но свежий кавалер ходил за мной по пятам, как тень. Наверняка ведь женатый, думала я. И что ему надо?

Я вспомнила, как Самсонов не давал мне прохода, бродил за мной как замороженный, а в перерывах заседания Законодательного собрания даже провожал в женский туалет. Мне казалось, что все правительство области знает об этом. Самсонов названивал по телефону, умолял поговорить, просил понять, что он ни жить, ни спать без меня не может, даже, бедный, потерял аппетит!

Конечно, как и предполагалось, Самсонов был женат. Но, стоя передо мной на коленях, Олег дал обещание, что мы будем вместе во что бы то ни стало. Настолько сильна его любовь... И я не выдержала, смягчилась, поддалась словам и обаянию этого человека...

Глава 2

Что предпринять?

Гостиничный номер принадлежал Самсонову. Каждый депутат областного совета имел право на отдельные апартаменты. Свои, просторные, с высокими потолками, Олег с удовольствием превратил в место свиданий, и меня это вполне устраивало. Я приходила сюда отдохнуть от коммунального стресса, а иногда и поработать в тишине.

Наша связь продолжалась уже полгода. Несколько раз я порывалась уйти, но в результате все равно оставалась с Олегом. Наверное, его спокойный и веселый нрав уравновешивал мой взрывной и им-